

ВИТРУВИЙ И АВГУСТ

(К проблеме Витрувия, как исторического источника)

Г. П. Поляков

Вопрос о трактате Витрувия, как об историческом источнике, можно сказать, почти не поднимался в исторической литературе. Изучение и сравнение археологических памятников с данными трактата Витрувия «Об архитектуре» раскололи археологов и филологов на два лагеря. Одни, как еще Роде в 1796 г., утверждали, что показания Витрувия соответствуют археологическим данным и трактат его является интереснейшим документом по истории техники античного строительства. Другие же, как, например, Шульц в 20-х годах XIX в., возражали против придания трактату Витрувия значения ценного и достоверного литературного источника.

Только в XX в. работы Зонтгеймера и Закура внесли ясность в проблему датировки трактата Витрувия эпохой перехода от республики к принципату. Успех в разрешении этой задачи зависит от правильной постановки изучения Витрувия в более широком историческом плане.

Вдвинуть фигуру Витрувия в рамки римской исторической действительности и составляет задачу настоящей статьи.

Трактат Витрувия открывается вступлением, которое является одновременно и предисловием к I книге трактата, и введением ко всему труду, и посвящением его императору. В этом вступлении или посвящении обращает на себя внимание в первую голову то, что Витрувий выступает, как лично совершенно незнакомый Августу, но как очень хорошо бывший в свое время известным Цезарю: «Primum parenti tuo de eo fueram notus», именно в качестве специалиста по архитектуре: ему он отдал первоначально свои знания и труд, как приверженец его доблести—«eius virtutis studiosus». Несомненно, что такое обращение имело смысл тогда, когда Август еще не был полновластным обладателем римской державы, каким он стал после битвы при Акциуме. Такие заверения, как «моя неизменная к нему приверженность, продолжая пребывать верной его памяти, перенесла на тебя всю свою преданную любовь»,—могли иметь цену и смысл только тогда, когда Август еще делил с Антонием власть над средиземноморской римской державой и когда ему важно было возможно большее число цезарианцев привлечь на свою сторону и отвлечь от перехода на службу к Антонию. В связи с этим приобретает смысл и признание Августа узаконенным свыше наследником власти Цезаря. Но Витрувию было

мало наряду с другими цезарианцами (которых он тут же перечисляет, как инженеров)—Марком Аврелием, Публием Миндием, Кнеем Корнелием, предложить свои услуги Августу и получить соответствующее вознаграждение; он хотел выделиться из приходивших к Августу с предложением своих услуг цезарианцев. И это ему удалось, благодаря особой рекомендации его Август сестрой Августа Октавией. Он был выделен, как особый, хорошо знающий свое дело мастер, которому можно было самостоятельно доверить обеспечение сохранности и проверку боеспособности всего унаследованного Августом от Цезаря богатого арсенала метательных орудий—баллист, катапулт и скорпионов; их Цезарь усердно в свое время собирал со всего эллинистического Востока, как наследие давно минувшей там поры расцвета военного искусства и чудес военной механики. Таким образом, Витрувий получил постоянное место при Августе. Но этого было ему мало. Это послужило для него только мотивом для выявления себя в глазах Августа специалистом во всех областях архитектуры, и он мотивирует написание своего труда чувством благодарности за обеспечение, освобождающее его от материальных забот на будущее. Мы видим, таким образом, во вступительном предисловии объединение разных, далеко друг от друга отстоящих моментов: момента известности Витрувия Цезарю при его жизни, момента явки Витрувия к Августу с предложением услуг, момента поступления на постоянную должность при Августе и, наконец, момента оформления труда для подношения. Витрувий предполагает, что Август лично будет руководить стройкой и руководить так, чтобы все возглавляемое им строительство явилось памятником значительности его деяний—для увековечения в памяти потомства. Тут же вскрываются те пружины, уловить которые и нажимать на которые Витрувий становился способным только благодаря тому, что, не имея доступа в ближайшее окружение Августа, он, несомненно, был в курсе интересов приближенных Октавии. А в центре этих интересов стоял вопрос о наследнике Августа. Правой рукой Августа был Агриппа, которого он и прочил себе в преемники, тогда как Октавия чаяла видеть наследником Августа своего сына Марцелла. Естественно, что она не могла равнодушно видеть возраставшее влияние и популярность Агриппы, как главного, заслонявшего собою самого Августа, энергичного строителя-хозяйственника, который выводил Рим из состояния разрухи, наступившей в результате междоусобий, проскрипций и развития со времени смерти Суллы частного расточительного строительства в ущерб утилитарному, общественному. Характерно, что Витрувий сначала, в § 2, указывает только на необходимость усиления строительства и повышения типа общественных зданий—«*publicorum aedificiorum auctoritates*», а в § 3 указывает, как на задачу, на строительство не только общественных, но и частных зданий—«*et publicorum, et privatorum aedificiorum*». Этим как будто он намекает на два различных момента,—на момент, когда в противовес частному строительству, поглощавшему все ресурсы, резко было противопоставлено общественное в невиданном размахе, и на момент, когда со смертью Цезаря во время гражданской войны расстроилось и частное строительство, а между тем, при стечении в Рим, как в столицу мира, массы народа требовалось обеспечение этой массы жилищами и борьба со спекуляцией в деле частного строительства. Тут особенно рельефно сказывается различие характера строительства Цезаря и Августа. И это не единственный случай раздвоения моментов, отраженных во вступлении Витрувия, когда одни моменты относятся к эпохе Цезаря, а другие—

к Августу и его времени. Много было споров о том, к кому относилось обращение: *imperator Caesar*! Это соединение Витрувий употребляет только здесь. Всюду же, начиная с главы I книги I, мы имеем неизменно чередующиеся обращения: *imperator* или *Caesar*. Таково обращение к Цезарю Цицерона в его речах (*Caesar*) и воинов Цезаря к своему полководцу (*imperator*). Были попытки различать титулование Цезаря *Caesar imperator* и титулование Августа *imperator Caesar*, ссылаясь на монеты. Наконец, приверженцы теории отнесения трактата Витрувия к эпохе Флавия подчеркивали, что только Веспасиан стал последовательно титуловаться *imperator Caesar*, а в титуловании Августа нельзя было игнорировать его характерного титула *Augustus*. Но надо перенестись в эпоху Витрувия, когда еще был всего один *imperator Caesar*, а не целая серия Цезарей, из которой выделился Август и стал называться *Augustus, par excellence*, как первый, получивший этот титул.

Все выражения начала вступления могут быть отнесены непосредственно только к Цезарю и лишь косвенно и с натяжкой—к Августу. Такое, например, выражение, как «*divina tua mens et numen*», указывает на тот культ гения Цезаря—«*genium Caesaris*», который еще при его жизни уже имел большое распространение и получил официальное признание в целом ряде сенатских декретов. Далее, выражение «*imperio potiretur orbis terrarum*» указывает на осуществление заветной мечты Цезаря быть вторым Александром Македонским; выражение «*invicta virtute*» указывает на две черты, составлявшие гордость Цезаря: его личную доблесть, бесстрашие, с которым он всегда смотрел в глаза опасности, и престиж его непобедимости. Именно выражением этого престижа непобедимости и веры в нее явилась тогда надпись под статуей его, поставленной в храме Квирина, «*deo invicto*».

Таким образом, первые слова посвящения трактата Витрувия указывают на вполне определенный момент, когда он готовился поднести свой трактат Цезарю. Именно, после битвы при Мунде было такое впечатление, что все враги низложены, «*sunctis hostibus stratis*»; указывается на определенный триумф, на определенную победу (а не на триумфы и на победы вообще), которой граждане могли радоваться и гордиться, как победой своей столь же, как и победой Цезаря. Здесь отмечаются три конкретных момента: победа полководца является победой граждан, пожинающих плоды победы, «*civitas per te provinciis esset aucta*» (в частности, разумеются празднества, щедрые раздачи и угощения во время триумфа); второй момент—это престиж всех римских граждан, который высоко поднимается до степени мирового, вселенского в лице их полководца, за мановением которого следят покорно все племена—«*gentes omnes subactae tui spectarent nutum*». Третьим моментом является поддержание и сохранение этого высокого, мирового престижа, причем римский народ и сенат освобождаются от всяких страхов, находя твердое руководство во всеобъемлющих планах и определенных директивах. Таким образом, принципат Цезаря, в изображении Витрувия, слагается из трех источников: гения Цезаря, признания его римским народом в целом и возглавления им сената, как представительства народа. Обычная формула—«*senatus populusque Romanus*»—перевертывается и превращается в новую формулу: «*populus Romanus et senatus*»; к последнему, главным образом, и относятся слова «*liberatus timore*», так как известно из переписки Цицерона, какая паника охватывала всех представителей этого сословия при мысли о возможности замены диктатуры Цезаря, «милости-

вого господина», «*clementis domini*», по выражению Кассия, будущего убийцы Цезаря, диктатурой взбалмошного, мелочного, озлобленного Секста Помпея.

Из Испании Цезарь прислал в Рим декрет о планировании, расширении, реконструкции города Рима, до тех пор весьма мало похожего на столицу мира, а скорее на большую деревню. Вот ответом на ЭТОТ-ТО декрет, возбуждавший много толков и недоумений в головах римских старожилов вроде Цицерона, и явился трактат Витрувия, его посвящение; из этого посвящения ясно, что вынашивался трактат и писался он раньше, именно, в то десятилетие, которое отделяет первый порыв Цезаря к широкому размаху общественного строительства в 55 г., когда он в соперничестве с Помпеем, ценой безумных затрат на экспроприацию частных владений, создал новый форум—*Forum Iulium*, до нового порыва к грандиозному строительству в последний год своей жизни: «*Nam de ornanda instruendaque urbe, item de tuendo ampliandoque imperio plura ac maiora in dies destinabat*» (*S u e t.*—*Div. Iulius*, 44). В этих словах ярко сказывается неразрывная связь огромного размаха мировой политики со специфическими техническими задачами строительства; задумывались колоссальные и нигде никогда невиданные здания: «*imprimis Martis templum quantum nusquam esset exstruere repleto et conplanata lacu, in quo naumachiae spectaculum ediderat theatrumque summae magnitudinis Tarpeio monti accubans*».

Этим планам, в которых архитектурные задания неразрывно связывались с инженерно-техническими, вполне отвечали мотивы подношения трактата, выраженные в посвящении: в § 2 ясно подчеркивается огромная политическая роль строительства, как в смысле удовлетворения нужд населения («*de opportunitate publicorum aedificiorum*»), так и в смысле престижа внешнеполитического—«*ut maiestas imperii publicorum aedificiorum egregias haberet auctoritates*».

Кроме того, делается ясное указание на перерыв между двумя программами широкого строительства, вызванный борьбой за власть: «*Cum divina tua mens et numen, imperator Caesar, imperio potiretur orbis terrarum... non audebeam ...de architectura scripta et magnis cogitationibus explicata edere, metuens ne non apto tempore interpellans subirem tui animi offensionem*».

А если мы обратимся к самому трактату, то увидим, что в центре стоят как раз те виды зданий, о сооружении которых в грандиозных размерах мечтал Цезарь в последние месяцы своей жизни: храмы (книги 3 и 4 трактата) и театры (книга 5). Самое построение трактата, суммирующего все ценные достижения, отвечало принципиальным установкам самого Цезаря, отразившего в своих комментариях тенденцию к суммированию всех достижений военного искусства, а в планах строительства—стремление к суммированию всех достижений в области культуры, как, например, в области римского права («*ius civile ad certum modum redigere atque ex immensa diffusaque legum copia optima quaeque et necessaria in paucissimos conferre libros*»—*S u e t.*) путем его кодификации, в области литературы и науки путем создания грандиозной библиотеки, как сокровищницы всей греческой и римской письменности («*bibliothecas graecas latinasque quas maximas posset publicare data M. Varroni cura comparandarum ac digerendarum*»).

Трактат Витрувия не носит характера популизма к гигантомании; напротив, строгое чувство меры и возведение соразмерности, «симметрии»,

в высший принцип архитектуры проходит красной чертой через весь трактат. Но и Цезарь, как в своем литературном стиле, так и в своих теориях литературного языка (трактат «De analogia»), тоже был сторонником строгого чувства меры и трезвости. Поэтому трактат Витрувия, суммируя достижения архитектуры, создавая из их свода как бы критерий для нового замышляемого Цезарем строительства, шел навстречу стремлениям самого Цезаря и его естественной потребности в таком критерии: «Conscripsi praescriptiones terminatas ut eas attendens et ante facta et futura qualia sint opera per te posses nota habere».

Размах задуманного Цезарем строительства, как воплощения величия средиземноморской Римской империи, обеспечение этого строительства неиссякаемыми средствами, спрос на таланты, которые могли бы удовлетворить этим раскрывающимся неограниченным возможностям, породили идею трактата Витрувия, идею мировой полноценной архитектуры. С другой стороны, на свой трактат Витрувий смотрел, как на критерий, корректив и противоядие против всяких суррогатов полноценной архитектуры. Он предостерегает Цезаря от увлечения и излишнего доверия к современным ему греческим мастерам. Он критикует построенные Цезарем по их проектам сооружения (храм Венеры Родительницы, храм Квирина, спешно начатый реставрированием после пожара, и т. п.). Самый трактат он стремится по всем данным поднести Цезарю в противовес хозяйничанью Бальба Старшего (обоих Бальбов Цицерон недаром называл «geges»), который был раньше praefectus fabrum Цезаря в Испании и в Галлии, а в то время был ближайшим советником Цезаря по финансовой части и распоряжался заказами и подрядами финансируемых им предприятий, вероятно, по его инициативе.

Витрувий в своем трактате выступает явным марианцем; красной нитью через весь трактат проходит та идея, что с начала II в. до н. э. когда, связав по рукам и ногам Карфаген, Рим перешел в наступление на весь культурный средиземноморский мир, он перехватил пальму первенства у Греции не только в военном деле, но и в архитектуре, выродившейся у греческих мастеров в эклектику, прожектерство и схематизм.

В военном деле Рим быстро перехватил и суммировал все достижения военного искусства и бил своих противников именно умением мобилизовать все силы в нужный момент и в нужном пункте. Но жадно впитывая все достижения военной техники всех родов оружия, римляне оказались необыкновенно восприимчивыми и к другим видам техники. Довольно равнодушно относясь к греческой классической архитектуре, они увлекались блеском и размахом эллинистической малоазийской архитектуры. Однако строгие традиционные формы римского быта не позволяли развернуться во всю ширь на родине новоявленным римским зодчим. Витрувий отмечает на рубеже III и II вв. до н. э. как бы перелом, начало перехода в руки римлян наряду с первенством в военной технике и первенства в архитектуре. В то время как на римской почве он отмечает с начала II в. вырастание все более и более совершенных, но скромных по размеру построек, главным образом, храмов, он отмечает, как характерный, знаменательный факт, предпосылку, которое было отдано перед греческими мастерами римскому зодчему Коссутию при возведении грандиозного храма Зевсу Олимпийскому в Афинах на средства царя Антиоха (V i t r u v ., VII praef., § 15).

Но не только формы быта служили препятствием для развертывания архитектурных талантов на римской почве, но и предубеждение делающей заказы знати, как это было и в новое время, пристрастие к заграничному,

заморскому, иноземному и пренебрежение к своему, хотя бы и лучшему, играло большую роль: так, отделка храма Юпитера Статора и сооружение портика при нем были поручены выпisanному из Саламина архитектору Гермодору, возможно потому, что иностранец не мог претендовать в римских условиях на славу сооружения, которая называлась именем знатного лица, как *porticus Metelli* (книга 3, гл. II, § 5). Неслучайно Витрувий сопоставляет рядом эту работу саламинского архитектора с работой римского архитектора Муция, построившего храм Чести и Доблести—*Neoporis et Virtutis*, храм чисто римского гражданского культа, по инициативе Мария («*aedes Mariae a Mucio facta*»). Об этой постройке Гая Муция Витрувий говорит: «*Id vero si marmoreum fuisset, ut haberet quemadmodum ab arte subtilitatem, sic ab magnificentia et impensis auctoritatem, in primis et summis operibus nominaretur*».

Таким образом, только при Марии и под его эгидой получили возможность широко развернуться римские архитектурные таланты на римской почве, и характерно, что память об этом сохранил нам только марианец Витрувий. Один из Муциев имел мужество даже перед всемогущим диктатором Суллой протестовать в сенате против объявления Мариа врагом отечества. Уже техническое оборудование и архитектурное оформление марциева водопровода знаменовало собою необычайный размах римского строительства во второй половине II в. до н. э. Об организации областного строительства той эпохи свидетельствуют знаменитая ПUTEОЛАНСКАЯ надпись и некоторые данные новейших раскопок в Минтурнах.

Марианство Витрувия гармонировало вполне по его субъективному представлению с марианством Цезаря (в какой мере у Цезаря оно было искренним или демагогичным — трудно сказать), но резко расходилось и с показным марианством Августа, и с выхолощенным марианством поздних цезарианцев вроде Плиния Старшего, который, впрочем, в начале книги XIV своей «*Naturalis Historia*» прямо указывает, как корень всех зол, сулланский принцип продвижения по общественной лестнице исключительно в зависимости от ценза.

Цезарь в год своего эдилитета (65) тайно, за ночь, в виде сюрприза, приятного для одних и очень неприятного для других, восстановил статуи Мариа и трофеи его побед на Капитолии (П л у т а р х—Цезарь, гл. VI), чем возбудил ликование марианцев, которых вдруг оказалось великое множество. Что касается показного марианства Августа, то весьма возможно, что в значительной мере он прикинулся марианцем в период после испанской войны, когда Цезарь подбирал комплект деловых, действительно преданных ему и заслуживающих его доверия людей. После убийства Цезаря он предоставил Антонию одиозную роль подавления марианского восстания, возглавлявшегося неким новоявленным сыном Мариа.

Строительство Августа ничего общего ни по плану, ни по размаху, ни по темпам не имело со строительством, задуманным и начатым было Цезарем. Тем не менее, Август демонстративно подчеркивал противоположение царившему почти безраздельно частному расточительному строительству—строительства общественного, которое у него сводилось к убогодчному, меценатскому, показному. Чтобы придать своему строительству характер якобы завещанного лучшими традициями прошлого, он выкапывал из той же марианской эпохи «*libros totos et senatui recitavit et populo notos per edictum saepe fecit ut... Rutili «de modo aedificiorum», quo magis persuaderet... rem non a se primo animadversam, sed antiqui iam tunc curae fuisse*». «*Iam tunc*»,—т. е. до диктатуры Суллы. Из этого

видно, с одной стороны, что в глазах Августа авторитет Витрувия сам по себе, как таковой, был равен нулю, так как он маневрировал в своей политической агитации архаическими документами из архивов сената, недоступных ни для Витрувия, ни для большой публики. Такой же демонстративный характер носили и подновления и репродукции обветшавших вещественных памятников и документов, как реставрация архаических храмов и строительных надписей марианской эпохи, благодаря чему и сохранилась дошедшая до нас ПUTEОЛАНСКАЯ надпись, как «уникум»; образец строительных контрактов марианской эпохи. Строительство Суллы имело чисто эпизодический и беспланный, бессистемный характер (Пренесте!): надо было дать работу кадрам ремесленников, пока были на то лишние государственные средства, в то же время в корне подорвать коллективы этих ремесленников путем удушения их цензом, отстранения популярных отечественных мастеров от руководства и назначения на их место иностранцев. Ни одного имени видного римского архитектора Витрувий не упоминает от Суллы до своих времен. Гостилий, выдвигаемый им, как умный градостроитель (кн. I), или Фуфиций, по его сведениям, первый из римлян писавший об архитектуре, по всем данным, относятся к марианской эпохе. Септимий и Варрон, писавшие об архитектуре, являются уже современниками Витрувия. Современником Витрувия был и знаменитый, ославленный Катуллом в его язвительных эпиграммах *praefectus fabrum* Цезаря Мамурра. С ним, очевидно, Витрувий по службе находился в самых тесных отношениях, по крайней мере, известное время, но об этих отношениях неудобно было распространяться после того, как эпиграммы Катуллы, бессознательного орудия республиканского нобилитета, заклеили Мамурру до такой степени, что о его талантах и постройках неудобно было распространяться не только Витрувию, но и самому Цезарю.

Мамурра, несомненно, первоначально выдвинулся на поприще частного строительства, во время горячки этого строительства, когда, по примеру Суллы, хищнически растаскивались по виллам драгоценные архитектурные материалы: колонны, статуи, всевозможные орнаменты, после того, как они, на потеху развращаемой столичной массе, профигурировали в качестве импровизированной бутафории на триумфах, празднествах и торжествах. Плиний с возмущением вспоминает эти времена, картинно рисуя, как роскошные мраморные колонны проносились хищнически второпях мимо глиняных фасадов культовых и общественных построек. Мамурра не дал себя затереть, как были затерты и исчезли в безызвестности многие талантливые римские зодчие и техники. Он построил все свое отцовское наследие и вынужден был при заказах вступать в конкуренцию с иностранными—греческими и восточными—архитекторами, которых выписывали для выполнения своих капризов и причуд разжиревшие римские нобили и которые сплошь да рядом наживали себе огромные состояния вроде Цицероновского архитектора Кюруса, отказавшего в своем завещании в наследство крупный куш самому Цицерону и передавшего свое крупное дело на ходу своему вольноотпущеннику Хризиппу. Услугами этого Хризиппа и пользовался Цицерон для своих барских затей вплоть до диктатуры Цезаря, которая обрезала крылышки частному строительству и заставила Цицерона по своим строительным нуждам обращаться к Бальбу Старшему, бывшему в то же время между ним и Цезарем дипломатическим посредником. Цицерон охает и вздыхает, что ему тяжела и неприятна эта зависимость от «царей», как он называет обоих

Бальбов, Старшего и Младшего, но, в конце концов, эти охи и вздохи ему не мешают использовать этих «царей» для получения денежных ссуд от Цезаря. Бальб Старший, как и Мамурра, был *praefectus fabrum* Цезаря. И испанец Бальб, и чистокровный, римской закваски италик из краев, близких к Кампании, кипучему центру горячки частного расточительного строительства, именно из Формий (*decoctor Formianus*—формианский кутила, как его называет Катулл), Мамурра были, можно сказать, двумя медведями, которым в одной берлоге крайне трудно было ужиться. А между тем, они оба были чрезвычайно нужными людьми для Цезаря. Оба начали свою карьеру под эгидой Помпея, и обоих переманил на свою службу Цезарь. Собираясь в свой поход на Восток против Митридата, Помпей нуждался в хорошем заведующем материальной интендантской и инженерно-технической частью, и выбор его остановился на успевшем пробиться и создать себе громкую репутацию даже у капризных самодуров и политиканов Кампании, молодом архитекторе—Мамурре. Точно так же и Бальб, знатный гадитанец, в тех же восточных походах Помпея заработал себе римское гражданство, которое в те времена было несовместимо ни с каким другим гражданством, и будучи приписан к роду Корнелиев—*Cornelius Balbus*—окончательно романизовался. Однако против его гражданства и его правомочности поднялись протесты; дело дошло до суда, на котором его защищал и его дело выиграл Цицерон, попавший тогда в фарватер (как он выражается,—*nova coniunctio*) политики Цезаря и Помпея. До диктатуры Цезаря по всем данным превалировал Мамурра: те изумительные инженерные работы, которые решали успех кампании Цезаря в Испании (Лузитании), в Галлии и на Востоке, почти несомненно можно сказать, были делом рук этого гениального римского инженера, которого не мог не ценить Цезарь. Но, озлобленный агитацией и личными нападками нобилей, Мамурра хотел затмить их великолепием своих собственных домов и вилл. На видном месте, на холме Целии, он воздвигнул роскошный дворец из самого дорогого эвбейского (каристского) и каррарского (*Iunensis*), впервые им на почве Италии найденного и пущенного в оборот мрамора. Несомненно, что это был умышленный вызов, который доставил много неприятностей Цезарю и который не одобрялся ни истыми марианцами, ни умеренными нейтральными республиканцами. И когда Цезарь, отдав в жертву разыгравшихся appetitов своих сторонников Африку, перешел на режим экономии в Италии, его ближайшим советником, доверенным и приближенным стал Бальб, тогда как с такими распоясавшимися цезарианцами, как Марк Антоний или Мамурра, у него были серьезные столкновения.

Из филиппики Цицерона мы знаем, что эти столкновения с Антонием приняли крайне острый, скандальный характер: дело дошло до того, что Цезарь вынужден был чуть ли не при помощи вооруженных выселять Антония из занятого им помпеева дворца, а Антоний, как жаловался в сенате сам Цезарь, был уличен в покушении на его жизнь. О размолвке с Мамуррой свидетельствует одно место из переписки Цицерона от декабря 45 г., где говорится, что как только заходила речь о Мамурре, Цезарь делал равнодушную мину и молчал, как будто ему до Мамурры не было никакого дела—*«de Mamurra audivit: vultum non mutavit»*. Между тем, тут же Цицерон, описывая времяпрепровождение Цезаря в поместьях Кампании, между прочим, и в цицероновом ПUTEОЛАНУМЕ, говорит, что Цезарь целыми днями никого не принимал к себе, занятый составлением приходо-расходных смет с глазу на глаз с Бальбом—должно быть, бюджетных рас-

четов с Бальбом. Бальб был гениальным финансистом. Цезарь с его помощью не только сводил концы с концами, но и, как известно, оставил после себя казну с богатыми ресурсами. Но по части строительства и его планировок за отставкой Мамурры приходилось обращаться к выписке архитекторов из Греции и Малой Азии. Действительно, планировка Рима, очевидно, по настоянию Бальба, была поручена афинскому архитектору. Такой обход своих отечественных архитекторов мог объясняться как политическими причинами—неудачным опытом с Мамуррой, так и профессионально-техническими соображениями: недоверием к достаточной теоретической подготовленности римских архитекторов-самоучек, а также личными мотивами самого Бальба, не желавшего иметь конкурентов в лице римлян, способных оттеснить (хотя бы и натурализованного) иностранца. Против этих-то всех предубеждений и выступил Витрувий со своим трактатом, в котором он развивал идею той полноценной архитектуры, которая должна была отвечать величию образовавшейся Римской средиземноморской державы, показав свою одинаковую как теоретическую, так и практическую подкованность и доказывая необходимость создания кадров полноценных архитекторов. Что поражает в начале его трактата, это тот мажорный, уверенный тон, с которым автор развивает свои идеи полноценной архитектуры и полноценного архитектора, не подвергая никакому сомнению, что средства для осуществления этих идеалов и все данные—налицо. Витрувий был уверен, что стоит ему только через голову Бальба подать Цезарю свой трактат-меморандум, как все преграды падут, и общий язык с Цезарем будет найден. В глазах Витрувия такие факты, как поручение Цезаря Варрону создать общедоступную библиотеку греческой и римской литературы, с одной стороны, а с другой—разрешение Цезарем увековечивать имена строителей на их сооружениях, вселяли уверенность, что принципы трактата войдут полностью в программу строительства Цезаря. И это тем более, что они были согласованы с собственными тенденциями Цезаря, требованиями в первую очередь «*sollertia*»—способности суммировать и уметь мобилизовать все достижения в нужном пункте и в нужный момент, чем особенно был ценен Мамурра. Совсем другой, приниженный, минорный тон мы видим в позднейших вставках вышеразобранного посвящения и в написанных специально для второй редакции предисловиях к отдельным книгам, особенно ко второй и третьей. Лейтмотивом всех этих lamentаций является сетование на то, что ни талант, ни знания, ни мастерство не открывают широкой дороги, а все зависит от материальной обеспеченности, от случайности и протекции. Во вставном пассаже посвящения Витрувий указывает на свою материальную необеспеченность. Во вступлении ко второй книге, целиком написанном по адресу Августа, Витрувий рассказывает, как знаменитый архитектор Динократ только потому возвысился из полной неизвестности, что сумел обратить внимание Александра своей изящной и представительной наружностью.

По этому поводу Витрувий рисует свою собственную невзрачную внешность и как бы просит не судить о его труде с предубеждением на основании его невзрачной наружности. Напротив, он выражает надежду, что его труд при первом с ним ознакомлении рассеет предубеждение против него. Вступление к книге 3, тоже целиком ориентированное на Августа, представляет из себя настоящую филиппику против меценатства. Витрувий говорит, что таланты скрыты: все зависит от протекции. Так было в прошлом, так оно и сейчас, т. е. во времена Августа. Великие художники и мастера стали великими постольку, поскольку они работали на

крупные общины, на царей или на знатных граждан. А мастера с меньшим талантом, не менее хорошей школы и с такой же высокой техникой, но работавшие на граждан низкого положения, не достигли ни малейшей известности, хотя и создали не менее выдающиеся своим совершенством произведения: не творческая энергия и не артистическая сноровка, а счастье им изменило.

Но Витрувий готов еще помириться с тем, что вследствие недостаточной компетентности в вопросах искусства действительные дарования остаются в тени. Но вот чего он не может переварить—того, что справедливые оценки подменяются пристрастными в результате обмена любезностями размякших на пирушках собутыльников.

Так метко охарактеризовал Витрувий компанию Мецената и его соотрапезников, производивших гнусную обработку свежих, нетронутых талантов в певцов ходульного, фальшивого героя Августа. Чувствуется, что Витрувию трудно найти настоящий тон и язык для разговора с Августом и что у Августа нет никакой охоты прислушиваться к словам Витрувия. При таких условиях самое подношение трактата и тщетные старания Витрувия, равно как и поощрение их Августом, без чего они сразу же в корне пресеклись бы, являются загадкой. Разрешения ее можно искать, лишь внимательно следя за всеми перипетиями карьеры как архитектора Витрувия, так и императора Августа.

Ни года рождения, ни года смерти Витрувия мы не знаем, но место рождения теперь, при привлечении новых эпиграфических данных, мы можем с полным вероятием определить: это соседний с Кампанией Формианский округ, где сохранилось много надписей с фамильным именем Витрувиев; тут же была найдена не так давно и надпись с именем жены Мамурры, Ауфиллии. Во вступлении к книге 3 Витрувий рассказывает, что его родители позаботились дать ему архитектурное образование. Спрос на архитекторов при строительной горячке в Кампании был велик, но, с другой стороны, трудно было римским архитекторам с успехом конкурировать с иностранными архитекторами. Вероятно, эти иностранцы, как греческие риторы и грамматики, занимались также преподаванием. Пример Мамурры, составившего себе карьеру, должен был окрылить всех родителей, вынужденных при ограниченности средств готовить хотя бы некоторых сыновей к какой-нибудь доходной профессии. В своем трактате Витрувий приводит живые, наглядные примеры и наблюдения как раз из тех местностей и стран, в которых, как известно, подвизался Мамурра: Испания, Лузитания, Галлия, Малая Азия. Сицилия, например, в которой Мамурра, повидимому, совсем не подвизался, остается совершенно вне поля зрения Витрувия, если не считать пары книжных цитат. Из этого, конечно, не следует, что Витрувий всюду, во всех походах, участвовал вместе с Мамуррой; но что он был известен Цезарю, как дельный, знающий, теоретически подкованный архитектор-инженер, об этом он сам говорит в предисловии ко всему трактату, и самый трактат при правильном историческом к нему подходе об этом свидетельствует.

Лично не участвуя во всех походах, Витрувий, однако, мог знать подробности о них и о странах, где они происходили, от многочисленных своих товарищей, участников этих походов. Так, он рассказывает один эпизод из походов Цезаря (кн. 3) в Альпах, который возбуждает сомнения критиков. Возможно, что он описывает его по наслышке и на веру. Затем, в восьмой книге он сообщает, что был связан узами гостеприимства с неким Гаем Юлием Масиниссой. Самое имя указывает на дарование ему

римского гражданства, и притом милостью Цезаря. Витрувий сообщает, что этот Гай Юлий Масинисса, во-первых, являлся владельцем целого округа с городом, образовавшим его центр, и, во-вторых, что этот Масинисса гостил у него некоторое время, причем Витрувий передает содержание некоторых происходивших между ними бесед. Спрашивается, где и когда мог гостить у Витрувия африканский владетельный князь, получивший эти владения из рук римлян вместе с римским гражданством? Это могло быть только после африканского похода, когда этот Масинисса по делам мог приехать в Италию и должен был иметь аудиенцию у Цезаря. Такой визит свидетельствует о высоком, почетном положении Витрувия. Это и было в то время, когда он выжидал удобного момента для подачи Цезарю своего меморандума об архитектуре. Но аудиенции у Цезаря дожидаться было даже таким, как Цицерон, не легко.

Витрувий был тогда не одинок. Если позже, по распылении цезарианцев маневрами и интригами Августа, он все-таки явился к нему с предложением услуг не один, а в компании с бывшими сослуживцами, товарищами, то тогда, когда Цезарь развернул перспективы небывалого по размерам и размаху строительства, за плечами Витрувия стояли очень и очень многие, как и он, жаждавшие применения своих знаний, опыта и талантов в грандиозном строительстве. Если бы осуществилась мечта Витрувия, сквозящая в заключительных словах его посвящения—стать таким же доверенным лицом по части строительства, каким был Бальб Старший по финансовой части, то он, разумеется, облегчил бы конкуренцию римских мастеров с пришлыми элементами. Во всяком случае мы имеем сведения, что при Цезаре были римские мастера, которые воздвигали общественные постройки и на них начертывали свое имя. Разумеется, все эти имена были стертые. С каким негодованием Цицерон в XIII филиппике, § 26, где он с язвительным сарказмом перебирает имена цезарианцев, упоминает о некоем Гостилии, которого он в насмешку называет Туллом Гостилием, как тут же другого цезарианца Деция в насмешку возводит к Децию Мусу—«*ab illis, ut opinor, Muribus, itaque Caesaris munera rosit*». Цицерон не может переварить, как этот Гостилий «*su o i u r e in porta nomen inscripsit qua cum prodere imperatorem suum non potuisset, reliquit*».

Такой знаток родословных связей римских фамилий, как Мюнцер, связывает этого Гостилия с энергичным градостроителем Гостилием, который выводится в трактате Витрувия. Мюнцер подчеркивает, что все эти выводимые Витрувием в трактате Гостилии, Фуфиции, Фабери, как и Витрувий,—верные приверженцы Цезаря «*eius virtutis studiosi*»—были предметом смертельной классовой ненависти республиканского нобилитета, не могшего простить им их материального благосостояния и продвижения вверх по общественной лестнице. Эта травля, как показывают эпиграммы Катуллы, достигала своей цели. Мамурра должен был стучаться. По всей вероятности, как и Саллюстию, Цезарь отдал и ему на кормление Африку. В Италии он оказался не удел, хотя, очевидно, оставил там многочисленную родню, так как Гораций в своих сатирах называет презрительно Формии, родину Мамурры, «*Mamurrarum urbs*», город, где хозяева начинают Мамурры, где вся подгородная земля была в руках сородичей Мамурры. Но в Африке, очевидно, Мамурра не был, как Саллюстий, мимолетным гостем, а пустил там глубокие корни, и его ближайшие потомки, вероятно, были в числе тех немногих крупных землевладельцев, которые владели всей римской Африкой и которых, как сообщает Плиний, казнил Нерон, конфисковав их латифундии. Памятником царства Мамурр_ в Африке

осталась только уцелевшая знаменательная надпись от воздвигнутой арки: «M. Vitruvius Mamurra arcum sua pecunia fecit». В Италии еще раньше, при Клавдии, были конфискованы мамуррские уголья, но имя за ними осталось «Mamurrantum». И это имя пережило и средние века, так как слегка италянизированное красуется еще в летописях начала XI в. Витрувий, как мы видели из сохранившейся надписи, очевидно, тесно связанный с Мамуррой, быть может, даже сам носивший этот cognomen, в то время, как Vitruvius было nomen gentilicium, как предполагает с большим вероятием итальянский эпиграфист Giglioli,—предпочел, повидимому, отмежеваться от Мамурры, надеясь на самостоятельную карьеру при Цезаре, а потом при Августе. Но смерть Цезаря разрушила его, казалось, столь близкие к осуществлению надежды, а двуличность Августа, в конце концов, должна была открыть ему глаза на неосуществимость его надежд после смерти сына Октавии Марцелла и утраты политического влияния его матерью Октавией, которая была единственным посредствующим звеном в сношениях между Витрувием и Августом. Что же из себя представляла эта Октавия, старшая сестра Августа? Она родилась в 61 г. до н. э., до 44 г. вышла за Кая Марцелла из рода Клавдиев Марцеллов и обычно изображается в роли миротворицы, якобы смягчившей в 43 г. кровавые проскрипции, на самом деле благодаря Августу, его беспощадности и мелочности затмившие собой проскрипции Суллы. Август сделал сестру орудием своей политики, выдав ее по смерти ее мужа в 40 г. за Марка Антония, разумеется, для того, чтобы иметь о всех шагах, закулисных делах и сношениях своего соправителя и соперника по власти над средиземноморской Римской державой самую свежую, непосредственную информацию. Разумеется, эта шпионка в роли жены была неразлучной спутницей своего супруга, когда он отправился в Грецию (в 39—38 гг.). Нужно было иметь большое искусство, весьма тонкую эластичность и изворотливость, чтобы так долго поддерживать дипломатические отношения между такими двумя антиподами, как Антоний и Август. И можно поверить общепринятой версии, что это она сумела осенью 37 г. устроить в Таренте свидание и предотвратить разрыв дипломатических сношений между своим братом и супругом; но уже в 35 г. Антоний окончательно раскусил ее и удалил от себя, а в мае или июне 32 г., очевидно в ответ на шпионские интриги, для которых открывало еще больший простор положение законной супруги, Антоний развелся с ней уже формально. По возвращении в Рим к своему брату Октавия и тут нашла приложение своим тонким дипломатическим способностям. И вот, повидимому, тогда-то и Витрувий попал в ловко расставленные сети ее интриг. После смерти Цезаря и подавления в зародыше возникавшего в ответ на убийство диктатора марианского мятежа Витрувий, перед которым рушились все связанные со строительными планами Цезаря перспективы, с осколками марианцев ушел, повидимому, в Африку, где у него были гостеприимные связи и где, по всей вероятности, проживал и пускал корни Мамурра. Но туда же переправился и Бальб Младший, который под эгидой Азиния Поллиона в карикатурном виде думал затеять в Африке грандиозное строительство в духе планов Цезаря. Азиний Поллион был единственным влиятельным цезарианцем, к которому могли пристать Витрувий и осколки цезарианцев. Азиний Поллион, однако, не долго пробыл в Африке. Ему было поручено ведение войны в Иллирии, и в 39 г. он отпраздновал с триумфом ее окончание. В том же году он соорудил «Atrium Libertatis», где открыл первую публичную библиотеку. Плиний категорически утверждает, что Азиний Пол-

лион был первым инициатором создания публичной общедоступной библиотеки не только в Риме, но и в целом свете.

Плиний выражал сомнение в приоритете александрийской и пергамской библиотек, тепличных, замкнутых, служивших лишь поводом к тщеславному соперничеству между царями Пергама и Александрии.

Азиний Поллион представлял из себя чрезвычайно интересную фигуру. Это был честный и порядочный, но уже зараженный пессимизмом, фатализмом и резиньяцией человек. Он был цезарианцем, но относился к Цезарю критически и, с другой стороны, отдавал справедливость его противникам. Август ловко использовал его либерализм в тот период, когда сам еще не чувствовал достаточно твердой почвы под своими ногами и должен был надевать на себя демократическую личину. Он принял меры, с одной стороны, к отвлечению от Азиния Поллиона всех способных к активности сил, бывших в его окружении, и, с другой стороны, постарался подменить эти активные элементы безвредными, индифферентными, платонически-либеральными. Азиний Поллион, прославляемый поэтами августовского окружения, такими, как Гораций, Вергилий, сделался инициатором так называемых речитаций для поощрения новых талантов и широкого означения с ними римской публики. Активные элементы предполагалось отчасти распылить, отчасти перегнать на службу Августу. Переход Витрувия от Азиния Поллиона к Августу, несомненно, был подстроен Октавией, которую Витрувий сам называет своей патронессой. Лично неизвестный Августу, он каким-то образом оказывался известным ей. Откуда Витрувий мог стать ей известным и заслужить ее особую рекомендацию Августу? Единственным основанием тому мог быть только тот факт, что существование трактата Витрувия в первоначальной его, предназначенной для Цезаря, редакции стало известным Октавии: посвящение Цезарю могло быть легко переадресовано Августу и отвечало мнимо-демократическим тогдашним его жестам; трактат Витрувия мог играть роль таких же идиллических призывов к ремесленному труду, какими являлись около того времени появившиеся по особому заказу Августа «Георгики» Вергилия, призывавшие к сельскому труду.

Содержание трактата Витрувия как нельзя более гармонировало с идеей созданной Азинием Поллионом библиотеки—служить сокровищницей всех плодов ума человеческого и арсеналом для вооружения ими новых подрастающих поколений. Разумеется, Август постольку поощрял это предприятие, поскольку оно способно было на данном, «демократическом», этапе его политики содействовать усыплению политических интересов. Естественно, что Витрувий, передающий свои непосредственные впечатления от этой библиотеки во вступлении к книге 9, так или иначе предлагал свой трактат для издания Поллиону. Но тут было два препятствия: посвящение Цезарю и ориентировка на него во всем трактате-меморандуме, а с другой стороны—принцип, которого строго держался Азиний Поллион в подборе книг народной библиотеки: он включал в нее книги всех авторов, кроме еще живых современников, причем он сделал единственное исключение для Варрона, бюст которого он, тоже в виде исключения, поставил там при его жизни.

Но Варрону сам Цезарь поручил организовать общественную библиотеку, и Витрувию, конечно, трудно было ожидать одинаковой с Варроном чести. Однако есть следы каких-то отношений трактата Витрувия к Поллиону. Поздний эпигоном Витрувия, Цетий Фавентин, ставит рядом имена Vitruvius и Polio, как будто фигурировали два издания Витрувия

в его время: одно под именем Витрувия, другое под именем Поллиона, очевидно, от какого-то именного обращения Витрувия к Поллиону. Есть и цитаты, ссылки на места Витрувия, которых в дошедшем тексте нет. Возможно, что они относятся к первоначальной редакции, изданной Поллионом. Очень возможно, что Октавия ввиду популярности поллионовского издания (в шести книгах) засадила Витрувия за оформление трактата специально для Августа, чтобы вытеснить поллионовское издание десятикнижным. И то значение, какое Витрувий придает числам 6 и 10, и анализ композиции трактата, вскрывающий швы двух сшитых редакций, вполне подтверждают такое предположение.

Витрувия заманило на службу к Августу желание издать свой труд и в то же время занять руководящее место, по заманчивым обещаниям Октавии, и при Августе. С другой стороны, нужно признать, что Витрувий не мог рассчитывать на особую щедрость Азиния Поллиона, который со своим либерализмом попал в ловушку и в плен к Августу и в сущности в 39 г., когда он отпраздновал свой триумф и основал библиотеку,—закончил свою активную политическую карьеру. Что он чувствовал свой плен и заразился общим духом резиньяции, это видно из его ответа Августу, когда тот призывал его на борьбу с Антонием перед битвой при Акциуме. Поллион отвечал Августу на его призывы: «Деритесь, а я останусь в добычу победителю!»

Ясно, что те активные элементы, которые, как Витрувий, были привлечены к Поллиону, как к единственно возможному исполнителю заветных замыслов Цезаря, вроде создания общедоступной сокровищницы достижений человеческого ума, в конце концов, после 39 г. разочаровались и отчасти расплылись, отчасти попали на удочку Августу и его любезной сестре Октавии, которая вела свою особую линию и имела свое особое окружение, отличное от интимного окружения самого Августа, где главную роль играл вероятный преемник Августа—Агриппа. Но у Октавии был сын Марцелл, которого она прочила в преемники Августу. После того как Агриппа необычайно возвысился, как победитель Антония при Акциуме, Октавия стала внушать крайне подозрительному в сознании своего ничтожества Августу, что ему грозит опасность превращения Агриппы из его помощника в соперника и антагониста. Поэтому она посоветовала Августу выдать ее дочь Марцеллу за Агриппу для выполнения той же роли шпионки-жены, какую она сама с таким блестящим успехом в свое время выполняла в роли жены тогда уже уничтоженного Антония. В 28 г. этот брак состоялся, и вот как раз недаром к этому времени приурочивается по всем данным преподнесение Августу Витрувием своего трактата. Очень возможно, что сама Октавия помогла Витрувию отредактировать новое посвящение, сшитое из старого и вставок в честь Августа. Август очень любил идентификацию его с Цезарем; на это били его выдрессированные придворные поэты. Известен пассаж из «Энеиды» Вергилия, где поэт, начиная с восхваления Цезаря: «Nascetur pulchra Troianus origine Caesar Iulius a magno demissum nomen Iulo...», кончает восхвалением в одном и том же лице Августа: «Claudentur belli portae; furor impius intus saeva sedens super arma et centum vinctus aënis post tergum nodis fremet horridus ore cruento». Так и у Витрувия одно и то же лицо является и первоначальным завоевателем власти над миром, и наследником и преемником завоевателя.

Таким образом, преподнесение трактата Витрувием приобретало уже характер акта большого политического значения и предвещало Витру-

вию осуществление его двоякой заветной мечты: опубликование его трактата и роль авторитетного советника в предстоящем государственном и общественном строительстве. Октавия была заинтересована в том, чтобы трактат Витрувия произвел на Августа самое лучшее впечатление. И возможно, что она передавала отдельные книги трактата, сообщала о произведенном каждой книгой впечатлении и таким образом косвенно инспирировала характер отдельных вступлений к дальнейшим отдельным книгам. Все складывалось и шло для Витрувия как будто необыкновенно удачно. Пока еще держался Агриппа, Витрувий получает уже почетное поручение соорудить базилику в Colonia Iulia Fanestrus и строит ее по образцу юлиевой базилики, построенной Цезарем в Риме, быть может, не без участия самого Витрувия. С отъездом Агриппы на Восток во главе водоснабжения в Риме становится Витрувий. Здесь разгадка загадочного путания имен Агриппы и Витрувия у Фронтин на поводу спора об инициативе того или другого в весьма важных мероприятиях по регулированию водоснабжения города Рима. Это водоснабжение было гордостью Рима на протяжении всего I в.; и Плиний, и Фронтин превозносят водопроводные сооружения Рима как по их инженерно-техническому совершенству, так и по совершенству их архитектурного оформления выше всех чудес света, «праздных» египетских пирамид и т. п. Но торжество Витрувия продолжалось недолго. В 23 г. умер Марцелл, и в роли единственно возможного преемника Августа опять был восстановлен Агриппа. В результате Агриппа разводится с Марцеллой, женится на дочери Августа Юлии, и Витрувий, как ставленник Октавии, остается не у дел, а может быть, и терпит преследования и травлю мстительной враждебной клики, не прощающей ему его временного возвышения. Его дальнейшая карьера и год смерти остаются покрытыми мраком неизвестности, но ввиду его известных нам гостеприимных связей в Африке и вероятного, как отчасти мы можем заключить из уцелевших эпиграфических памятников, пребывания там Мамурры, естественно предположить, что он отправился именно в Африку для приложения своей неистощимой энергии; и, как показывают новейшие исследования, нигде архитектурные постройки не отвечают так близко витрувианским нормам, как именно в Африке. В этом отношении знаменит уцелевший до сих пор так называемый Капитолий в африканском местечке Дугга, снимок с которого фигурирует в качестве фронтисписа в новейшем английском издании Витрувия Грэнджера (F. G r a n g e r).

Итак, какие выводы приходится сделать в заключение? Прежде всего тот, что трактат Витрувия представляет собою весьма важный и интересный исторический документ и, как таковой, характеризует определенный исторический момент. Во-вторых, этот исторический документ несколько приоткрывает закулисную сторону принципата Августа и служит противовесом хвалебному хору придворных поэтов, ползавших, как выразился К. Маркс о Горации, на брюхе перед Августом. В-третьих, выяснилось, что Витрувий по целому ряду причин не мог играть особо блестящей роли при Августе, как архитектор, и что самый трактат его в первоначальном своем виде не мог возникнуть в атмосфере августовского режима. Трактат Витрувия, адресованный первоначально Юлию Цезарю, носившемуся с головокружительными планами грандиозного строительства, был переадресован Августу, по настоянию его сестры Октавии, и в этой новой редакции и в новом оформлении дошел до нас.